УДК 821.352.3”19”:808.1Машбаш
ББК 83.3(2=Ады)6
Ч-75

Чотчаева М.Ю.
Ставропольский государственный педагогический институт, г.Ставрополь, Россия, m.chotchaeva@mail.ru

Проблема свободы личности и ее гуманистическое решение в произведениях И. Машбаша

(Рецензирована)

Аннотация.
Рассматриваются способы и методы художественного воплощения проблемы свободы личности в произведениях классика адыгейской литературы И.Ш. Машбаша. Исследуется ключевая для русской философии и литературы XIX века проблема свободы-несвободы человеческой личности, оказавшаяся в XX веке в силу социальных причин актуальной и для национальных северокавказских литератур. Выделяется особая позиция северокавказских литератур, трактующая свободу, прежде всего, как проблему основы человеческого бытия, необходимое условие развития личности. На примере исторических романов И. Машбаша анализируются проблемы влияния свободы и несвободы на нравственный выбор человека, его ответственность перед другими людьми, обретение новых духовных ориентиров в пространстве несвободы (физической, моральной). Произведенный анализ позволяет утверждать, что свобода является не только условием естественного существования человека, но и его качественной сущностью, смыслом и идеалом. Работа вносит вклад в решение вопросов, связанных со знаковым явлением в развитии северокавказских литератур – художественно-онтологическим освоением сложнейших и глубочайших генетически родственных исторических проблем: махаджирства, Кавказской войны, политического режима, которые рассматриваются в русле философско-онтологической и нравственно-психологической проблематики.

Ключевые слова:
свобода, несвобода, личность, литература, Кавказ, адыги, Машбаш

Chotchaeva M.Yu.
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia, m.chotchaeva@mail.ru

The problem of individual freedom and its humanistic solution in the works of I. Mashbash

Abstract.
The article discusses the ways and methods of artistic embodiment of the problem of individual freedom in the works of the classic of the Adyghe literature I.Sh. Mashbash. The author explores the key problem for Russian philosophy and literature of the 19th century, the freedom and non-freedom of the human person, which turned out to be relevant for national North Caucasus literature for social reasons in the 20th century. A special position of North Caucasus literature, interpreting freedom, primarily, as the problem of the foundation of human existence, a necessary

condition for the development of the individual, is highlighted. Historical novels by I. Mashbash are taken as an example to analyze the problems of the influence of freedom and non-freedom on a person's moral choice, his responsibility to other people, gaining new spiritual guidelines in the space of non-freedom (physical, moral). The analysis made suggests that freedom is not only a condition of the natural existence of man, but also his qualitative essence, meaning and ideal. The work contributes to solving issues related to the landmark phenomenon in the development of North Caucasus literature - the artistic and ontological mastery of the most complex and deepest genetically related historical problems: Mahajirism, the Caucasus War, the political regime, which are considered in line with philosophical, ontological and moral-psychological issues.

Keywords:
reedom, non-freedom, personality, literature, Caucasus, Adyghes, Mashbash

В современном литературоведении появляется все больше научных исследований, посвященных социально-философским, нравственно-психологическим и духовно-мировоззренческим проблемам, все чаще ученые говорят, что необходимо обобщать «литературный процесс как в масштабе страны, региона, так и на уровне отдельной национальной литературы» [1: 143]. Подобный интерес частично объясняется и той значительной ролью, которую играют обозначенные категории в пространстве художественного текста. Оценивая их значение, литературные критики, как правило, выходят на проблему соотнесенности данных категорий с другими формами общественного сознания, в частности, проблемой свободы человеческой личности, для всестороннего исследования которой на помощь литературоведению приходят другие науки, поскольку категория свободы, обладая многоцентричностью и относительностью, требует разностороннего междисциплинарного изучения. Множественность мнений о сущности данной проблемы, вызванная, прежде всего, многозначностью определений свободы, влечет за собой необходимость разностороннего исследования этой категории, интерес к которой активно прослеживается в новейших философских, социологических и литературоведческих исследованиях.

Такое усиленное внимание к художественному отображению проблемы свободы и несвободы человеческой личности на разных этапах развития литературы объяснимо многими серьезными причинами, одна из которых – важная роль категории страдания в бытии как отдельного человека, так и целых народов, что особенно значимо для северокавказских литератур, проблема насилия в которых необычайно актуальна. Философское и нравственно-этическое осмысление проблемы свободы человеческой личности восходит к глубокой древности, а с ее художественным воплощением мы встречаемся в мифологии и фольклоре разных народах, в Торе, кораническом и библейском текстах [2: 142]. Способность человека в этих испытаниях не только выживать физически, но и становиться сильнее, могущественнее духом, закалять характер и вырабатывать высокие нравственные качества является ключевым пунктом как религиозной, так и антропоцентрической парадигм.

Анализ вышеизложенной проблемы в русской литературе выводит нас на культурологический контекст, в котором традиционный ряд бинарных оппозиций Добро-Зло, Правда-Кривда логично продолжить еще одной антитезой – Воля-Неволя. При этом понятия «воля», «свобода» влекут за собой логически предопределенный лексико-семантический ряд ключевых слов, обозначающих качества, обладать которыми люди стремились во все времена: честь,

достоинство, гордость, смелость, мужество, сила, тогда как антонимичные понятия «неволя», «несвобода» вызывают ассоциации с состояниями униженности, зависимости, принуждения, плена. Еще в Библии проблема свободы и несвободы человеческой личности вытекает из архетипических тем изгнания, пленения, подавления свободного волеизъявления. Философская и аллегорическая составляющая древних сюжетов о странничестве, изгнании из Рая, гонениях Каина и др., благодаря своей многоуровневой семантике, породила огромное количество оригинальных сюжетов, в которых на разных уровнях проводится художественное осмысление данной проблемы на новом материале.

В национальном литературоведении в последние годы проявляется исследовательский интерес к произведениям, анализ социально-философского содержания которых дает возможность вычленить концепцию свободы человеческой личности в самых разнообразных ее проявлениях. Обозначенная проблема является актуальной для северокавказских литератур, в которых антиномия основополагающих категорий «свобода-несвобода» неизбежно и закономерно порождает различные модификации трагических конфликтов самого разного масштаба, выстраиваемых посредством системы образных феноменов.

Это объяснимо теми изменениями в общественном сознании, которые были порождены бурными переменами в социальной и духовной жизни общества последних десятилетий прошлого века, когда в национальных литературах появились многочисленные произведения, основной темой которых является человеческая свобода и несвобода. При этом очевидно, что вопросы функционирования нравственно-психологической концепции свободы и несвободы человеческой личности не подверглись в достаточной степени детальному и последовательному анализу в национальном литературоведении. Нам еще предстоит выработать единые подходы к данной проблеме, тем более, что она напрямую связана с проблемой сохранения социокультурной идентичности. Кроме того, ее изучение дает возможность для проведения системного анализа связей русской и национальных литератур, что чрезвычайно актуально на современном этапе развития общественного сознания, когда стало очевидным, что взаимодействие между политической, научной, философской, духовно-нравственной, религиозной и художественной концепциями свободы способствует сближению русской и северокавказских литератур и культур.

Масштабное, подробное и во многом абсолютно новое для национальных литератур Северного Кавказа решение проблемы свободы мы обнаруживаем в творчестве крупнейшего современного адыгейского писателя Исхака Машбаша. Будучи талантливым писателем и настоящим гражданином, Исхак Машбаш обозначает в своем творчестве все реперные точки истории родного народа. Первые ростки свободомыслия, робко взошедшие после XX съезда КПСС, дали возможность начинающему литератору смело и открыто заговорить на запретные темы. Сразу же И. Машбаш обращается к исторической теме, раскрывая ее глубоко, философски, используя при этом присущие ему мудрость и здравый смысл. Кропотливо изучая историю адыгов, бережно сохраненную в устных народных преданиях, тщательно прорабатывая научные исследования северокавказских просветителей, русских и зарубежных ученых по проблемам мухаджирства, Кавказской войны, Исхак Машбаш создает красочное полотно истории родного народа, в которое вплетены все знаковые события, повлиявшие на сохранение и формирование этноса.

Прежде всего, он обращается к обозначенным темам в лирике – в стихах, созданных под впечатлением от встреч с соотечественниками во время многочисленных поездок в составе литературных делегаций в страны Ближнего Востока. Собранные материалы и накопленные впечатления явились отправной точкой для создания замечательной поэмы «Море» («Шторм»), посвященной традиционному для литературы черкесского зарубежья мотиву «крестного пути», по которому пришлось пройти предкам писателя с исторической родины в изгнание. Одним из первых в национальном литературоведении И. Машбаш создает своеобразную художественную энциклопедию, всесторонне исследуя полную драматизма трагическую историю мухаджиров. Вынужденное расставание с родным Кавказом, многолетняя тоска по родине, попытки предотвратить трансформацию сознания и менталитета, неизбежную для людей, живущих на чужбине, выводят автора на исследование проблемы свободы и несвободы человеческой личности.

Следующий творческий этап И. Машбаша характеризуется обращением к теме истории родного народа в жанре исторического романа. Практически каждый из них заставляет читателя задуматься о роли свободы в жизни как отдельно взятого человека, так и целого народа. «Сто первый перевал», «Раскаты далекого грома», «Хан-Гирей», «Жернова», «Восход и закат», «Два пленника», «Графиня Аиссе», «Редед», «Метельные годы», «Адыги» - во всех этих произведениях проблема свободы человеческой личности рассматривается в различных ракурсах, исследуется в физическом, политическом, интеллектуальном, духовно-нравственном, психологическом аспектах. Так, в романе «Восход и Закат», состоящем из четырех частей, посвященных черкесским султанам Египта Бибарсу, Калауну, Баркуку и Кансавгуру, автор описывает историю правления черкесских (адыгских) мамлюков, поднимая при этом сложную проблему взаимодействия свободы и власти.

Анализ романов И. Машбаша «Жернова», «Восход и закат», «Графиня Аиссе» дает возможность утверждать, что обширная тема свободы в изгнании звучит не только в творчестве черкесских писателей-эмигрантов, но и в творчестве писателей, оставшихся на родине, привлекая их напряженное внимание. Искренняя боль за соотечественников, волею трагической судьбы оказавшихся в изгнании, живущих в состоянии психологической несвободы, отзывается в этих произведениях, органично вплетаясь в их художественное пространство. Интересно, что в художественном мире этих романов И. Машбаша в плане анализа темы свободы сопрягаются отдельные значительные мотивы как отечественной национальной прозы, литературы черкесского зарубежья, так и традиции русской литературы.

И. Машбаш в своих романах «Хан-Гирей» и «Графиня Аиссе» закладывает ставший впоследствии тенденцией в современной национальной романистике прием, когда повествование включает в себя пристальный интерес к судьбам представителей национальной интеллигенции, а это, как правило, люди, обладающие национальным самосознанием, отличающиеся взыскательным отношением к себе и окружающим, обладающие обостренным чувством свободы.

В 2008 году Исхак Машбаш написал роман «Графиня Аиссе», публикация которого вызвала огромный интерес у читателей и живой отклик в средствах массовой информации. При этом роман все еще недостаточно осмыслен литературоведением и критикой, хотя представляет несомненный интерес во многих отношениях. Анализируя проблему свободы отдельной человеческой личности, И. Машбаш в

романе «Графиня Аиссе» обращается и к проблеме свободы в философии и морали как разных слоев общества, так и разных этносов. Европейский либерализм, господствовавший в эпоху раннего Просвещения начала XVIII века (время действия романа «Графиня Аиссе»), сыграл двоякую роль, с одной стороны, освободив человека от губительных экономических и политических институтов и облегчив обстоятельства его жизни, а с другой стороны – провозгласил свободу человека от нравственных, религиозных, этнопсихологических и многих этических норм. Благая идея освобождения от монархической деспотии, от любых форм рабства порой превращалась в проповедь вседозволенности, а грань между этими понятиями зачастую оказывалась слишком тонкой. В этом контексте история жизни «черкесской пленницы», оказавшейся не по своей воле в одной из наиболее «вольнодумных» европейских стран – Франции, послужившая основой сюжета этого произведения, уникальна и исключительна.

Если главными героями исторической романистики И. Машбаша прежде были крупные выдающиеся исторические личности, то здесь автор посвящает свое повествование реальному человеку – скромной, но в то же время чрезвычайно привлекательной по своим нравственным качествам и всей историей своей судьбы женщине. Обманчивая камерность этого романа, повествующего, казалось бы, о частной жизни совсем небольшого круга людей, выводит читателя на историко-политический и культурно-исторический контекст Запада и Востока первой трети XVIII века, погружает во все основные проблемы, присутствовавшие в этом обществе. Но в рамках данного исследования нам интересна, прежде всего, личность главной героини, причины «печали, сломленности и погруженности в себя», которые так сложно было понять французским литературным критикам. При явной симпатии к личности Айшет, при высокой оценке ее моральных качеств и явного литературного дара, людям, не знакомым с кавказской ментальностью и системой ценностей, очень сложно понять смятение и рефлексию Аиссе – Айшет. И лишь ее соотечественник, писатель, которого отделяет от Айшет три с лишним столетия, создает художественную летопись-притчу и одновременно поэму в прозе, посвященную трагической судьбе прекрасной черкешенки, оказавшейся волею судьбы в замечательной европейской стране в замечательный момент ее истории, но для нее, обреченной на разлуку с родиной и свободой, остававшейся золоченой клеткой. Невозможность жить по законам своего народа, исполняя предназначение женщины, принятое за норму на Кавказе, невозможность оказаться на исторической родине, генетическая связь со своим родом, так внезапно прервавшаяся в реальной жизни, не дают возможность Айшет наслаждаться всеми благами просвещенной и свободной Франции. Судьба отдельно взятой личности для писателя становится материалом для глубоких обобщений, связанных с судьбой всего адыгского этноса.

Художественная интерпретация мифологемы утраченной свободы находит многообразное и многоплановое решение в творчестве И. Машбаша. Примечательна в этом отношении его дилогия «Два пленника», объединяющая повести «Фидур» и «Афипса», связанные общей темой и объединенные общим персонажем [3: 472]. В этой дилогии автор рассматривает значимые для национальной прозы темы кавказского плена, кавказского пленника, межнациональных отношений и межконфессионального диалога. Вся эта проблематика пронизана идеей свободы, которая находит в дилогии глубокое гуманистическое отражение. Автор описывает парадоксальную ситуацию, когда, находясь в

пространстве физической несвободы, герои дилогии приходят к внутренней свободе, к свободе духа, повлекшей за собой полное принятие «иного» мира. И Фидур, и Афипса приходят к пониманию, что истинная свобода находится не снаружи, а внешние условия жизни очень мало могут влиять на духовно зрелого человека. Напротив, ситуация плена, физической несвободы открывает глаза героям дилогии, меняет их отношение и к представителям других религий, и к самим себе. Здесь напрашиваются аналогии и с Мертвым домом Ф.М. Достоевского – пространством несвободы, которое не повлияло на молодого горца Алея, и с главной героиней нашумевшего романа Г. Яхиной – Зулейхой, чьи глаза «открылись» лишь тогда, когда она оказалась в неволе.

Читатели наблюдают за судьбами героев дилогии в течение довольно длительного периода, когда вследствие жизненных перипетий меняется мироощущение персонажей. Так, Федор, который мечтал вернуться к своей семье, остается служить на Кавказе, а Афипса, строившая планы на новую жизнь, погибает. Неслучайно автор готовит такой финал для своей героини, утратившей вначале на физическом уровне родину и родителей, а затем – с переменой религии – и внутреннюю связь со своим родом.

И. Машбаш, являясь гуманистом, в своих произведениях красной нитью проводит мысль о первичности гуманистического идеала над всем остальным. Главные герои дилогии, находясь в пространстве несвободы, смогли сохранить нравственное достоинство и силу духа. Если в произведениях XIX века ситуация «кавказского плена» завершалась достаточно благополучно для главных героев, то в дилогии И. Машбаша она завершается трагично, по верному замечанию Хасановой, «...хрупкие носительницы доброты и милосердия, помогавшие пленникам у А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, теперь сами оказываются в плену» [4: 65].

При этом меняется традиционная для русской литературы концепция свободы личности, согласно которой выходом из ситуации плена был побег («Кавказский пленник» А.С. Пушкина и др.) И. Машбаш находит иной путь для своих героев: смена религии и социального статуса.

Гуманистический посыл автора виден и в том, как настойчиво в произведении проходит мысль о необходимости человеческого обращения с пленниками. Человек не перестает быть человеком, не теряет божественного происхождения своей души от того, что лишается внешних признаков свободы. Жестокость, проявленная по отношению к пленнику, является для И. Машбаша неприемлемой, хотя автор справедливо отмечает, что традиционно к пленникам относились не самым лучшим образом. Он настаивает, что отношение к человеку, лишенному свободы, должно основываться на гуманистических принципах, включать в себя сопереживание чужой судьбе, уважение иным национальным и конфессиональным принципам. Очень важна столь явно представленная в дилогии гуманистическая позиция автора, поскольку лишь на подобной философской платформе может выстраиваться полноценный межкультурный и межконфессиональный диалог, так необходимый сегодня на Кавказе.

Примечания:

1. Баков Х.И. К проблеме исследования истории литератур народов Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 2. С. 142-146.

2. Акова А.А. Тема махаджирства как предмет художественного осмысления адыгских литератур // Актуальные проблемы общей и адыгской мифологии: материалы Всерос. науч. конф. Майкоп, 1999. 325 с.

3. Машбаш И.Ш. Два пленника: исторические повести / авториз. пер. с адыг. Е. Карпова. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1995. 472 с.

4. Хасанова Д.У. Тема кавказского пленника в северокавказской литературе (на материале произведений И.С. Капаева и И.Ш. Машбаша) // Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур: материалы Всерос. науч. конф., 23-25 октября 2008 г. Карачаевск: КЧГУ, 2008. 348 с.

References:

1. Bakov Kh.I. The problem of studying the history of literatures of the North Caucasus peoples // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2013. Iss. 2. P. 142-146.

2. Akova A.A. The topic of mahajirism as a subject of artistic comprehension of Adyghe literatures // Actual problems of general and Adyghe mythology: materials of the All-Russian scient. conf. Maikop, 1999. 325 pp.

3. Mashbash I.Sh. Two captives: historical stories / authorized transl. from Adyghe by E. Karpov. Maikop: Adyghe Publishing house, 1995. 472 pp.

4. Khasanova D.U. The theme of the Caucasian captive in the North Caucasian literature (based on the works of I.S. Kapaev and I.Sh. Mashbash) // Literature of the peoples of the North Caucasus: artistic space, dialogue of cultures: materials of the All-Russian scient. conf., October 23-25, 2008. Karachaevsk: KChGU, 2008. 348 pp.